

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 65–73.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2025. Vol. 3 (84). P. 65–73.

Научная статья
УДК 323.11(470) + 323.28(470)
doi: 10.54398/1818-510X.2025.84.3.008

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ

Старостин Александр Михайлович¹✉, Тованчова Елена Николаевна²

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

² Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия

¹ amstar2912@mail.ru ✉

² just_ien@mail.ru

Аннотация. Современная трансформация глобального миропорядка сопровождается ростом уровня как внешнеполитических, так и внутрисоциальных вызовов, способствующих формированию новых идентификационных моделей, в том числе в рамках патриотического дискурса. Россия, находясь в эпицентре геополитических противостояний, сталкивается с необходимостью консолидации общества вокруг ценностей национальной идентичности и культурного суверенитета. Одним из ключевых инструментов в этом процессе выступает патриотизм, рассматриваемый не только как идеологическая константа, но и как социокультурный феномен, обладающий способностью структурировать поведенческие и ментальные стратегии субъектов. Цель исследования – рассмотреть противоречивый характер трансформации патриотических установок в контексте современных глобальных и глокальных процессов. Методологическую основу исследования составили комплексный междисциплинарный подход, включающий элементы сравнительно-исторического анализа, контент-анализа дискурсивных практик, а также методы эмпирической социологии. В частности, применены инструменты экспертного опроса, проведенного в ряде регионов Российской Федерации, и элементы нарративного анализа, направленные на выявление трансформаций патриотического нарратива под воздействием культуры отмены. Кроме того, исследование опиралось на метод критического дискурсивного анализа, позволившего реконструировать идеологические и культурные основания современного патриотического сознания. В ходе анализа аргументировано, что патриотизм в современных условиях должен рассматриваться как устойчивый элемент социокультурной идентичности, сопряженный с ценностно-нормативными основаниями коллективного бытия. Авторами высказаны аргументы в защиту концепции патриотизма как субкультурного феномена, способного интегрировать индивидуальные, профессиональные и гражданские формы самоидентификации. Показано авторское видение проблемы сочетания и разрешения противоречий между универсалистским и ситуативным подходами к патриотизму. Также раскрыта роль патриотизма в контексте культурной реставрации и сопротивления стратегии ценностного обнуления, реализуемой через практики канселлинга. В статье доказывается, что патриотизм в условиях современной политико-культурной мобилизации выступает не столько как реактивная установка, сколько как конструктивный механизм воспроизводства национальной идентичности, устойчивости социокультурного кода и исторической преемственности.

Ключевые слова: субкультура патриотизма, патриотическая идентичность, патриотическая социализация, «культура отмены», канселлинг, девиации патриотической деятельности, патриотический дискурс, глобализация, трансформационные процессы

Для цитирования: Старостин А. М., Тованчова Е. Н. Современный российский патриотический дискурс в контексте культуры отмены // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2025. № 3 (84). С. 65–73. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.008>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE CONTEMPORARY RUSSIAN PATRIOTIC DISCOURSE IN THE CONTEXT OF CANCEL CULTURE

Alexander M. Starostin^{1✉}, Elena N. Tovanchova²

¹Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia

²Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

¹ amstar2912@mail.ru✉

² just_ien@mail.ru

Abstract. The modern transformation of the global world order is accompanied by an increase in both foreign policy and intra-social challenges, contributing to the formation of new identification models, including within the framework of patriotic discourse. Russia, being in the epicenter of geopolitical confrontations, is faced with the need to consolidate society around the values of national identity and cultural sovereignty. One of the key tools in this process is patriotism, which is considered not only as an ideological constant, but also as a socio-cultural phenomenon with the ability to structure the behavioral and mental strategies of subjects. The purpose of the study is to examine the contradictory nature of the transformation of patriotic attitudes in the context of modern global and global processes. The methodological basis of the research is a comprehensive interdisciplinary approach that includes elements of comparative historical analysis, content analysis of discursive practices, as well as methods of empirical sociology. In particular, the tools of an expert survey conducted in a number of regions of the Russian Federation and elements of narrative analysis aimed at identifying transformations of the patriotic narrative under the influence of the culture of abolition were used. In addition, the research was based on the method of critical discursive analysis, which made it possible to reconstruct the ideological and cultural foundations of modern patriotic consciousness. In the course of the analysis, it is argued that patriotism in modern conditions should be considered as a stable element of socio-cultural identity, coupled with the value-normative foundations of collective existence. The authors have argued in defense of the concept of patriotism as a subcultural phenomenon capable of integrating individual, professional and civic forms of self-identification. The author's vision of the problem of combining and resolving contradictions between universalist and situational approaches to patriotism is shown. The role of patriotism in the context of cultural restoration and resistance to the strategy of value zeroing, implemented through the practice of cancelling, is also revealed.

Keywords: patriotic subculture, patriotic identity, patriotic socialization, cancel culture, cancelling, deviations of patriotic activity, patriotic discourse, globalization, transformation processes

For citation: Starostin A. M., Tovanchova E. N. The contemporary Russian patriotic discourse in the context of cancel culture. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2025, no. 3 (84), pp. 65–73. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2025.84.3.008> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В современных условиях глобальной трансформации международного порядка и переосмысления моделей идентичности в национальных государствах проблема функционирования патриотического дискурса приобретает особую значимость. Россия как одно из ключевых государств подвергается мощному внешнеполитическому и социокультурному давлению, что актуализирует необходимость анализа механизмов конструирования национальной идентичности, в частности через призму патриотического нарратива. При этом важным фактором, модифицирующим данный дискурс, выступает феномен «культуры отмены», получивший широкое распространение в англоязычном культурно-политическом пространстве и все активнее проникающий в российское информационное и общественное поле.

Научная новизна работы заключается в попытке интегративного анализа феноменов патриотизма и культуры отмены в рамках единой социокультурной парадигмы. Статья основывается на междисциплинарном подходе, сочетающем методы критического дискурс-анализа, социальной герменевтики и теории коллективной идентичности. В рамках исследования также рассматриваются эмпирические данные экспертных опросов, что позволяет соотнести концептуальный анализ с реальным восприятием патриотизма в российском обществе.

Основная часть

В последние годы резко обострились социальные и политические процессы, обусловленные переформатированием глобального мира, началом его перехода от доминирования США и стран Запада в формировании глобальной повестки и правил международных отношений

к тому положению, которое могло бы быть названо «глобальной демократией» и полицентричным образом глобального мира. В этом же контексте необходимо видеть сопряженные с глобальными глокальные процессы (образование и активизация ряда влиятельных макрорегиональных и межгосударственных организаций; скоординированные и синхронизированные действия ряда государств-партнеров), а также появление новой волны государствообразования и продвижения по пути полной суверенизации ряда государств, уходящих от настойчивого «патронажа» западного мира.

Достаточно сказать, что за период после окончания Второй мировой войны общая численность государств в современном мире выросла более чем вчетверо, включая и несколько десятков так называемых «непризнанных».

Все это говорит о сложном, многоуровневом и противоречивом процессе глобальной эволюции, в котором основными субъектами выступают государства и их альянсы, а также наращивающие свой экономический и политический потенциал, надгосударственные и внегосударственные субъекты в виде транснациональных компаний, международных фондов и иных сообществ.

Определенная равновесность глобального мира оказалась значительно нарушена в последние десятилетия векторами социально-политических сил, как стремящимися удержать статус-кво, так и изменить его в сторону своих базовых интересов [9, с. 90].

В эту глобальную воронку попала и современная Россия, столкнувшаяся с серьезными последствиями распада СССР и переделом его наследия и стремлением, прежде всего стран западного альянса, еще далее продвинуться по этому пути.

Следствием стали многочисленные конфликты на периферии бывшего СССР, включая вооруженные столкновения. Прежде всего российско-украинский конфликт, в котором на стороне Украины выступает консолидированный альянс западных и примкнувших к нему государств численностью около 50 с самым мощным на сегодняшний день совокупным экономическим и военным потенциалом. По существу, специальная военная операция оказалась лишь первым началом на пути все расширяющегося фронта угроз российской безопасности и, шире говоря, безопасности жизни и деятельности всего Русского мира. Вал этих угроз продолжает нарастать, балансируя на грани развязывания новой мировой войны. Что заставило очень серьезно отобюроксовать все российские ресурсы. Оценивая данные обстоятельства Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в своем ежегодном послании Федеральному собранию от 29 февраля 2024 г. подчеркнул: «мы все, граждане России, будем вместе защищать нашу свободу, право на мирную и достойную жизнь, сами и только сами определяя свой путь, беречь связь поколений, а значит, непрерывность исторического развития, решать те задачи, которые стоят перед страной, исходя из нашего мировоззрения, наших традиций, верований, которые мы передадим своим детям» [4, с. 1].

Указанные угрозы индуцировали повышенный запрос на формирование более четких ориентиров в национальной и личной идентичности в современных условиях. Базовым механизмом здесь выступает патриотизм как социокультурный феномен и ведущий признак в условиях отмобилизации страны, в связи с угрозами национальной и личной безопасности [5, с. 152–159].

Однако следует отметить, сформированный запрос на патриотизм встречает достаточно многовекторный, а иногда противоречивый ответ [10, с. 23–29]. Чем это вызвано? Во-первых, противоречивыми требованиями в его актуализации. С одной стороны, имеются достаточно устойчивые базовые социокультурные коды и фреймы национальной идентичности (язык, культура, традиции, ценности), обуславливающие глубинные и демонстративно-публичные формы патриотического сознания и поведения [2, с. 132–139]. С другой – ситуативный, конкретно-диспозиционный запрос на патриотизм и сопутствующие ему проявления сталкиваются с коррективами, вложенными в патриотическую память по идеологическим соображениям или вообще с культурными помехами, связанными с «культурой отмены» внутреннего и внешнего происхождения. Они вносят свои коррективы, в том числе девиационного характера в формирование аутентичной культуры патриотизма.

Остановимся на этом подробнее. Прежде всего речь идет о механизмах «культуры отмены» [1, с. 12], тормозящими или блокирующими процессы актуализации патриотических чувств и действий. Указанная практика «отмены» не столь давно была включена сначала в критико-конкурентную борьбу в сфере массовой культуры (ТВ, кино, музыка и др.), а затем и перенесена в сферу политики через воздействия информационно-пропагандистскими и административными средствами на противников и оппонентов. Наиболее яркие и крупные примеры «отмены» на глобальном уровне – это различные санкционные и информационные воздействия на российскую историю и культуру со стороны стран Запада и формирование социально-психологического и социокультурного комплекса русофобии. С наиболее грубыми ее проявлениями столкнулись прежде всего жители Восточной Украины, которым ограничили возможности пользоваться и изучать русский язык, русскую культуру. Осуществлена массовая ценностно-культурная перенормировка на националистические образцы и нормы украинства, причем не аутентичного, а идеологизированно переработанного.

Приведенные примеры показывают, как осуществляется воздействие мягкой силы со стороны ряда субъектов межгосударственных отношений по отношению к другим субъектам

или к собственным гражданам, дабы подавить их личностные и социальные права, негативно деформировать их идентичность, объявить людьми низшего сорта, а то и нелюдьми. Данная практика продолжает расширяться с использованием новейших средств информационного воздействия, включая и массовые попытки манипулирования поведением.

Такого рода практика деформации личностной идентичности еще в советские времена была названа известным писателем Чингизом Айтматовым «манкуртизацией». Это своеобразное «стирание» личности с целью целенаправленного ее ценностного и поведенческого перепрограммирования и последующего манипулирования, прежде всего в социально-политической сфере. Так сказать, сначала ценностно-нормативное переформатирование, а потом и расчеловечивание до уровня раба и тяглового животного. В настоящее время такая расширяющаяся социально-манипулятивная практика, в которой одну из ведущих параллелей приобретает «культура отмены», получившая англоязычное название – канселлинг. И, конечно, одной из защитных мер и широкого контрвоздействия выступают меры по укреплению кодов национальной, личностной и культурной идентичности. К их числу относятся и патриотизм, и патриотическая социализация.

К сказанному следует добавить, что наряду с информационно-пропагандистской и социокультурной практикой канселлинга, которая получила широкое распространение в эпоху современной глобализации и интернета, давно известна классическая практика «культуры отмены», связанная с перенормировкой ценностей в эпохи революций и масштабных социальных и политических реформ [7, с. 154; 8, с. 65]. Причем в большей мере они относятся к внутригосударственной жизни. Достаточно известны примеры общеевропейского масштаба XVIII в., связанные с началом эпохи Просвещения и Французской революцией, утвердившей и широко распространившей нормы светской жизни, светской публичной политики. Российская социалистическая революция 1917 г. не только переформатировала все сферы социальной и политической жизни, но и открыла дорогу такому феномену как «культурная революция».

Достаточно известны хрущевские социально-политические реформы 50–60-х гг. XX в., «отменившие» сталинский «культ личности» и вместе с этим многие достижения и ценности периода Великой Отечественной войны, включая и разрушение памятников, и переименование городов, улиц, организаций, и т. п.

Можно приумножать примеры факторов, которые стихийно или целенаправленно разрушали целые пласты исторической памяти. Все было бы печально, если бы не контрреформы, во времена которых реализовывались обширные меры социально-исторической и культурной реставрации и запускались программы «отмены отмены». Практически все реформаторские и революционные эпохи упирались в эпохи «отката» и частичного восстановления и удержания исторической и культурной памяти (если это еще было осуществимо). Частично это было связано с мобилизационными периодами индуцированного внешнего воздействия и войнами. Например, таковыми были действия И. В. Сталина в период Великой Отечественной войны и начавшейся холодной войны. И опять-таки одной из несущих конструкций контрреформ и акцентом «отмены отмены» выступал и продолжает выступать патриотизм.

Это характерно и для современной России периода специальной военной операции и борьбы с западной русофобией. И здесь принимаются форсированные меры по восстановлению норм и ценностей, поведения патриотического характера. На первый план общественной и политической жизни выдвигаются люди-носители этих качеств. Как сказал президент РФ в Послании Федеральному собранию 2024 г.: «Но в переломные моменты истории именно такие люди выходят на передний план, берут на себя ответственность. Таким людям, которые думают о стране, живут ее судьбой, можно передать в будущем и доверить Россию» [4, с. 1].

Нужно сказать, что эти оценки и чаяния нашли отклик в нашем обществе, о чем свидетельствует ряд признаков. Сошлемся на данные экспертного опроса, проведенного межвузовской экспертной группой под руководством А. В. Понеделкова и А. М. Старостина в 2023 г. в 14 регионах страны [3, с. 319]. Это в основном страты государственных и муниципальных служащих (около 30 %), научно-педагогического сообщества и культуры (около 30 %), общественных организаций, журналистов, блогеров (около 14 %), духовенства (9 %), бизнес элиты (10 %), правоохранительных органов (7 %). Образовательный уровень – высшее образование и выше (99,5 %), практический опыт работы (свыше 10 лет – 78 %). Вот статистика (простые распределения) по основным позициям (табл. 1).

Хотелось бы в связи с этим подчеркнуть, что большая часть респондентов занимает проактивную, деятельностную позицию применительно к патриотизму (около двух третей). Так сказать, следуя старой истине: «по делам их узнаете их». Но и созерцателей немало.

Исходя из экспертной оценки, следует обратить внимание на резервы для расширения информационной базы в формировании патриотизма, т. к. на достаточно хорошее понимание происходящего указывает лишь одна треть экспертов, а в остальном поддерживается общий фон, контекст происходящего. Но до конкретики и формирования патриотической убежденности и готовности деятельной поддержки еще идти и идти.

Таблица 1 – Вопрос «Что значит, по-вашему, быть патриотом?» (один вариант ответа)

Варианты ответов	%
1. Деятельность, направленная во благо и процветание своей страны	38,4
2. Любовь к Родине	23,8
3. Готовность стать на защиту Отечества	16,5
4. Стремление к изменению положения дел в стране с тем, чтобы обеспечить ей достойное будущее	4,9
5. Защищать свою страну от нападок, несправедливых обвинений и дискриминации	4,9
6. Считать, что твоя страна лучше, чем другие страны	4,9
7. Быть искренним и справедливым, говорить правду, какой бы горькой она не была	3,7
8. Другое	2,4
9. Затрудняюсь ответить	0,5

Таблица 2 – Вопрос «В настоящее время в России, в связи с проводимой коллективным Западом политики агрессивной русофобии и санкционных дискриминаций, реализуется ряд реформ, есть ли в обществе, по вашему мнению, должное понимание их смысла и цели такого рода реформ?»

Варианты ответов	%
1. Да, такое понимание в обществе имеется	40,2
2. Люди хорошо понимают и поддерживают проведение специальной военной операции на Украине	20,7
3. Представляют смысл и цели указанных реформ в лишь в общих чертах	15,2
4. Люди хорошо представляют смысл и цели проводимой государством анτισанкционной финансово-экономической политики	7,3
5. Люди хорошо представляют смысл и цели проводимой государством политики импортозамещения	5,5
6. Не представляют и не понимают	5,5
7. Затрудняюсь ответить	5,6
8. Другое	—

Что касается девиационных проявлений, связанных с усеченным пониманием своей национальной и гражданской идентичности или наклонностью увидеть в патриотизме некий общеподобряемый канал самоутверждения на основе своей нереализованности и комплексов (индивидуальных или групповых), то аутентичной платформой для анализа выступая, с нашей точки зрения, концепт «патриотической культуры». При этом имеется в виду тот горизонт и ее развития, который связан с новой доктриной «государства-цивилизации» [6, с. 44–54].

Итак, феномен патриотизма целесообразно репрезентировать не только как идеологическую идентичность или умонастроение. Эти состояния могут быть неустойчивы. Если же мы рассматриваем на формирование более глубинных форм патриотической идентичности, то целесообразнее ориентироваться на патриотизм как своеобразную субкультуру. В этом случае она допускает не только общесоциальные и политические проекции (любовь к Отчизне, готовность служения ей и не только в трудный час), но и более конкретные, связанные с личностной, профессиональной и групповой самореализацией (спорт, производство, научные достижения, культура). В какой-то мере для этого случая существует ориентация на устойчивые психоэмоциональные состояния (болельщик, фанат отечественного спорта, технических и культурных достижений; профессиональной деятельности – военной, служебной, даже предпринимательской).

Касательно же девиационных проявлений в патриотических чувствах, мыслях и поведении, достаточно подробно высказывался ряд известных деятелей культуры, политики, науки. При этом приписывая патриотизму вообще девиационно-патриотические проявления.

Напомним, что Самуэлю Джонсону, английскому писателю XVIII в., принадлежит едкое высказывание: «патриотизм – последнее прибежище негодяя». Очевидно, автор имел в виду то, что под флагом патриотизма зачастую проводятся крайние националистические и шовинистические действия, а также шаги, ведущие к милитаризации общества. Такая мировая величина, как Лев Толстой, демонстрируя свой пацифизм в ряде статей «Христианство и патриотизм» (1894), «Патриотизм и правительство» (1900), указывал на безнравственность патриотизма, который уже не соединяет, а разъединяет людей в их преданности «своему» государству и противопоставляет себя «другим» («раб правительства»). Здесь сказываются не только «патриотические девиации», но и определенные мировоззренческие подходы самого великого писателя.

У В. И. Ленина прежде всего наиболее развернута позиция классового подхода к патриотизму («О Национальной гордости великороссов»), в рамках которой он прописывает подмену «Отечества» «буржуазным Отечеством» в буржуазном обществе и мобилизацию патриотических сил всего общества на защиту интересов буржуазии. В свою очередь, он указывает на приоритет

«социалистического отечества», обеспечиваемого диктатурой пролетариата, призванной организовать и направить патриотические усилия на защиту интересов большей части общества под предводительством пролетарского движения. Эти и другие суждения о патриотизме позволяют не только увидеть многовекторность в понимании патриотизма, но и вычленили девиационные (отклоняющиеся) его проявления от «главной объединительной линии», которое может носить на определенном интервале в том числе и компромиссный характер («патриотический народный фронт» во время отражения военной агрессии и войны или в период попыток узурпировать государственную власть политической группой с антинациональными устремлениями).

Безусловно, данный аспект, может быть, и далее продолжен в анализе и конкретизации. Однако, резюмируя сказанное о «патриотических девиациях» как сужающих и искажающих базу общих патриотических движений и проявлений, подчеркнем наибольшую нежелательность культивирования, прежде всего таковых, как:

- национализм и шовинизм, охватывающий иногда значительную часть населения, но чьи позиции не разделяет другая часть населения; их конфликт чреват гражданскими столкновениями, а то и гражданской войной, где каждая из сторон демонстрирует свой «патриотический флаг» и свою программу действий;
- узкосословный и классовый формат патриотизма, также разделяющий большие группы населения, в основном по своим «квартирам и домам» и «своим баракам», неравенством в базовых правах: социальных, политических, культурных. Это тоже влечет развитие крупных конфликтов, ведущих к переделу собственности, власти и базовых прав, статусных положений;
- идеологический формат, в основе которого могут лежать консервативные или либеральные установки и взгляды на будущее Отечества. Исход также масштабно конфликтный и разрушительный: вместо возрождения и приумножения возможностей и безопасности Отечества на выходе – передел, разрушения, а то и национальная катастрофа.

А как парировать девиации, направить патриотические мысли, чувства и действия в конструктивное русло? Есть здесь, конечно, как обычно, тактические и стратегические подходы или, как говорил в свое время классик, программа-минимум и программа-максимум.

Обратимся на сей счет вновь к экспертному мнению. В рамках уже цитируемого опроса были заданы следующие вопросы.

Таблица 3 – «Оцените, пожалуйста, эффективность мероприятий патриотического содержания, которые проводятся в России в вашем регионе (не более 3-х вариантов ответа)»

Варианты ответа	%
В России	
1. Удовлетворительно, с тенденцией к улучшению	50
2. Оцениваю высоко	40,9
3. Неудовлетворительно, с тенденцией к ухудшению	1,8
4. Затрудняюсь ответить	7,3
В регионе	
1. Удовлетворительно, с тенденцией к улучшению	53,7
2. Оцениваю высоко	34,1
3. Неудовлетворительно, с тенденцией к ухудшению	4,9
4. Затрудняюсь ответить	6,7

Можно сказать, что экспертная оценка положительно оценивает ведущуюся работу, но видит резервы. Но это скорее ситуативная, тактическая, оценка. А что нужно сделать в стратегическом плане?

Таблица 4 – Вопрос «Какие аспекты в политике, культурной сфере необходимо усилить для формирования патриотизма (не более 3-х вариантов ответа)»

Варианты ответов	%
1. Усилить финансовую поддержку целевых мероприятий и разработку массовой культурной продукции (книги, фильмы, концерты, видеоигры)	56,1
2. Усилить патриотическую тематику в плане организации мероприятий	50,6
3. Усилить государственную поддержку деятелей культуры, обеспечивающих развитие и реализацию культурных программ патриотической направленности (почетные звания, государственные награды, премии)	39
4. Сформировать конкурентные программы патриотической направленности в рамках деятельности организации культуры	36,6
5. Сформировать специальный государственный заказ для учреждений культуры и работников культуры	34,8
6. Затрудняюсь ответить	3

Как можно увидеть, эксперты предлагают подойти к проблеме не только масштабно и с хорошей организационной и финансовой поддержкой, но и сделать из патриотического проекта нечто вроде «Курчатовского» или «Манхэттенского» проекта. Иначе все уйдет в «гудок» и суету.

Тем не менее одним из наиболее важных и стратегических вопросов нового «Манхэттенского проекта» остается проблема девиаций – как не привести патриотизм к феномену типа «оружия массового уничтожения», а не к «мирному атому»?

На наш взгляд, такой проект стратегического уровня предложен президентом РФ и его командой – это доктрина России как «государства-цивилизации». Вероятно, только в таком контексте удастся реконструировать ту базовую систему ценностей и социокультурные (цивилизационные) коды и фреймы, которые могут послужить объединительным началом, платформой для такого амбициозного проекта, который условно (и если получится безусловно) можно назвать «Сделать Россию Великой», такой, какую ее еще помнят ветераны Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления, покорения Сибири, космоса, атомной энергии, решения проблемы неравенства, общей образованности, средний зажиточности и гарантированной безопасности.

Однако на этом пути придется решить ряд сложных реконструкционных проблем: восстановления объективного взгляда на историю и отражение ее в образовательной и культурной политике; восстановлении приемлемых, а то и дружеских отношений с отделившейся периферией СССР и той части развивающихся стран и Восточной Европы, которые отделились от России в силу ее попыток стать равноправным партнером западного альянса государств, а главное – обеспечить надежные гарантии национальной безопасности и веру в большие и долгие перспективы успешного развития и российского государства, и его населения.

Выводы

Экспертный опрос, проведенный в 2023 г. в 14 регионах России, в фокусе которого находились представители ключевых сфер – государственного управления, научно-педагогического сообщества, культуры, духовенства, бизнеса и правоохранительных органов, – позволил выявить актуальные параметры репрезентации патриотизма в современном российском обществе. Основу выборки составили высокообразованные и опытные респонденты (99,5 % имеют высшее образование, 78 % обладают опытом работы свыше 10 лет), что обеспечивает надежность полученных данных как индикаторов профессионального и институционального восприятия патриотического дискурса.

Наиболее часто патриотизм воспринимается как деятельностная категория – «деятельность, направленная во благо и процветание своей страны» (38,4 %), «любовь к Родине» (23,8 %) и «готовность стать на защиту Отечества» (16,5 %). Совокупно эти три позиции охватывают почти 80 % респондентов, что свидетельствует о преобладании прагматически и эмоционально насыщенной модели патриотической идентичности. Данные показывают высокую степень социальной легитимации патриотизма как нормы поведения и ценностной ориентации, что может рассматриваться как отражение мобилизационного типа общественного сознания в условиях внешнего давления и внутренних структурных трансформаций.

Наряду с этим зафиксировано значительное число респондентов, выражающих патриотизм преимущественно в символических и охранительных категориях – «защищать свою страну от нападок и несправедливых обвинений» (4,9 %), «считать, что твоя страна лучше других» (4,9 %) и даже «быть искренним и справедливым» (3,7 %). Это указывает на множественность патриотических фреймов, среди которых нарратив морального превосходства или защитной солидарности становится все более востребованным.

Оценка степени общественного понимания и поддержки проводимой государством политики в условиях давления «культуры отмены» и русофобского дискурса со стороны коллективного Запада выявила дифференцированную структуру ответов. Только 40,2 % респондентов уверенно заявили о наличии должного понимания целей и смысла актуальных реформ, тогда как остальные либо выражают частичную осведомленность, либо фокусируются на отдельных аспектах (СВО – 20,7 %, финансово-экономическая политика – 7,3 %, импортозамещение – 5,5 %). В то же время 5,5 % заявляют о полном непонимании происходящих процессов.

Следовательно, зафиксирован значительный когнитивный разрыв между декларативной и содержательной стороной патриотического дискурса. Это указывает на дефицит институциональной и просветительской работы по формированию четких ориентиров национальной и гражданской идентичности, что, в свою очередь, затрудняет процесс консолидированного патриотического самосознания. Обобщая, можно говорить о наличии латентного патриотического потенциала, находящегося на стадии когнитивной и нормативной кристаллизации.

Отдельного внимания заслуживает выявление проявлений девиационного патриотизма. Анализ экспертных интервью показал, что в ряде случаев патриотизм может выполнять функцию компенсаторного механизма личностной фрустрации, а также инструментализироваться

в рамках социального конформизма. При этом актуализация патриотических чувств без достаточной теоретико-нормативной рефлексии порождает риски девиантных трансформаций: от агрессивного ура-патриотизма до изоляционизма, трансформирующегося в ксенофобию.

Наблюдаемая амбивалентность требует рассмотрения патриотизма не только как идеологической установки или политической лояльности, но и как субкультурной системы, включающей устойчивые ценностные и поведенческие паттерны, коррелирующие с личностной и профессиональной самореализацией. В этом контексте патриотизм проявляется как форма культурной идентичности, опосредованной включенностью в практики, ориентированные на созидание, сохранение и развитие, будь то сфера науки, культуры, производства или обороны.

Обозначим кратко основные выводы по итогам данного исследования:

1. Патриотизм в современной России актуализирован как ответ на внешние вызовы и внутреннюю потребность в консолидирующей идентичности. Однако доминирует деятельностная и эмоционально-защитная модель патриотического дискурса.

2. Культура отмены как глобальный феномен оказывает негативное влияние на процессы воспроизводства и легитимации патриотических ценностей, инициируя деформацию личной и коллективной идентичности. Россия, сталкиваясь с этим давлением, активизирует меры по институционализации и поддержке патриотических практик.

3. Индикаторы общественного понимания и поддержки национальных реформ демонстрируют наличие патриотической мобилизации, однако в значительной мере ограниченной дефицитом просветительской работы и когнитивной ясности. Это ограничивает трансформацию патриотического самосознания в устойчивую поведенческую норму.

4. Риски девиаций патриотического сознания требуют институционального контроля и воспитательной работы, направленной на формирование устойчивых патриотических субкультур, основанных на ценностях созидания, служения и культурного наследия, а не на ксенофобии или агрессии.

Список литературы

1. Весперини, П. Переписывая прошлое: как культура отмены мешает строить будущее / П. Весперини. – Москва : Альпина Паблишер, 2025. – 214 с.
2. Крылова, О. А. Формирование патриотизма в современных условиях развития России. Патриотизм как фактор, влияющий на имидж России / О. А. Крылова // Вестник науки. – 2022. – Т. 2, № 11 (56). – С. 132–139.
3. Понделков, А. В. О результатах экспертного опроса «Патриотизм в современной России в условиях роста угроз национальной безопасности» / А. В. Понделков, А. П. Яланский, К. М. Тихонов // Патриотизм в современной России в условиях роста угроз национальной безопасности. – Ростов-на-Дону : Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, 2023. – С. 317–320.
4. Путин, В. В. Россия: фронт работ. Послание Президента РФ ФС 29 февраля 2024 / В. В. Путин // Российская газета. – 2024. – № 46. – С. 1.
5. Старостин, А. М. Культура патриотизма: когнитивный, эмоционально-мотивационный, институциональный аспекты / А. М. Старостин, А. В. Понделков, Е. Н. Тованцова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 3. – С. 152–159. – doi: 10.54398/1818510X_2023_3_152.
6. Старостин, А. М. Стратегии российского развития в контексте цивилизационной политики / А. М. Старостин // Стратегии развития общества и экономики в новой реальности. – Ростов-на-Дону : Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, 2023. – С. 44–54.
7. Трищенко, Н. Д. Культура отмены в науке как следствие медиатизации / Н. Д. Трищенко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. – 2022. – № 3. – С. 152–155.
8. Ушакова, В. А. Культура отмены: к содержанию понятия / В. А. Ушакова // Современный дискурс-анализ. – 2024. – № 1 (34). – С. 61–66.
9. Чугров, С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни / С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 88–98. – doi: 10.17976/jpps/2022.05.07.
10. Шпак, М. А., Патриотизм как основа самосознания современной молодежи России / М. А. Шпак, В. С. Павлова // Государственная культурная политика Российской Федерации и новые практики социально-культурной деятельности. – Санкт-Петербург : ИП Сергеев Д. В., 2024. – С. 23–29.

References

1. Vesperini, P. *Perepisyvaya proshloe: kak kultura otmeny meshaet stroit budushchee* [Rewriting the Past: How Cancel Culture Hinders Building the Future]. Moscow: Alpina Publisher; 2025, 214 p.
2. Krylova, O. A. *Formirovanie patriotizma v sovremennykh usloviyakh razvitiya Rossii. Patriotizm kak faktor, vliyayushchiy na imidzh Rossii* [Formation of Patriotism in the Modern Conditions

of Russia's Development. Patriotism as a Factor Influencing Russia's Image]. *Vestnik nauki* [Science Bulletin]. 2022, vol. 2, no. 11 (56), pp. 132–139.

3. Ponedelkov, A. V., Yalanskiy, A. P., Tikhonov, K. M. O rezultatakh ekspertogo oprosa "Patriotizm v sovremennoy Rossii v usloviyakh rosta ugroz natsionalnoy bezopasnosti" [On the Results of the Expert Survey "Patriotism in Contemporary Russia in the Context of Growing National Security Threats"]. *Patriotizm v sovremennoy Rossii v usloviyakh rosta ugroz natsionalnoy bezopasnosti* [Patriotism in Contemporary Russia in the Context of Growing National Security Threats]. Rostov-on-Don: South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2023, pp. 317–320.

4. Putin, V. V. Rossiya: front rabot. Poslanie Prezidenta RF FS 29 fevralya 2024 [Russia: The Front of Work. Address by the President of the Russian Federation to the Federal Assembly, February 29, 2024]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Gazette]. 2024, no. 46, p. 1.

5. Starostin, A. M., Ponedelkov, A. V., Tovanchova, E. N. Kultura patriotizma: kognitivnyy, emotsionalno-motivatsionnyy, institutsionalnyy aspekty [Culture of Patriotism: Cognitive, Emotional-Motivational, and Institutional Aspects]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 3, pp. 152–159, doi: 10.54398/1818510X_2023_3_152.

6. Starostin, A. M. Strategii rossiyskogo razvitiya v kontekste tsivilizatsionnoy politologii [Strategies of Russian Development in the Context of Civilizational Political Science]. *Strategii razvitiya obshchestva i ekonomiki v novoy realnosti* [Strategies for the Development of Society and Economy in the New Reality]. Rostov-on-Don: South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2023, pp. 44–54.

7. Trishchenko, N. D. Kultura otmeny v nauke kak posledstvie mediatizatsii [Cancel Culture in Science as a Consequence of Mediatization]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya. Zhurnalistika"* [Bulletin of Voronezh State University. Series "Philology. Journalism"]. 2022, no. 3, pp. 152–155.

8. Ushakova, V. A. Kultura otmeny: k sodержaniyu ponatiya [Cancel Culture: On the Content of the Concept]. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Modern Discourse Analysis]. 2024, no. 1 (34), pp. 61–66.

9. Chugrov, S. V. Kultura otmeny v mirovoy politike: istoriko-filosofskie korni [Cancel Culture in World Politics: Historical and Philosophical Roots]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. 2022, no. 5, pp. 88–98, doi: 10.17976/jpps/2022.05.07.

10. Shpak, M. A., Pavlova, V. S. Patriotizm kak osnova samosoznaniya sovremennoy molodezhi Rossii [Patriotism as the Basis of Self-Consciousness of Modern Russian Youth]. *Gosudarstvennaya kulturnaya politika Rossiyskoy Federatsii i novye praktiki sotsialno-kulturnoy deyatel'nosti* [State Cultural Policy of the Russian Federation and New Practices of Socio-Cultural Activity]. Saint Petersburg: IP Sergeev D. V., 2024, pp. 23–29.

Информация об авторах

Старостин А. М. – доктор политических наук, профессор;

Тованчова Е. Н. – кандидат политических наук, доцент.

Information about the authors

Starostin A. M. – Doctor of Political Sciences, Professor;

Tovanchova E. N. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов

Старостин А. М. – научное руководство, разработка концепции исследования; формулирование теоретико-методологической базы, обоснование цели и задач статьи, написание исходного текста;

Тованчов Е. Н. – сбор и анализ эмпирического материала, работа с актуальными источниками и примерами, участие в доработке текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Starostin A. M. – scientific supervision, development of the research concept, formulation of the theoretical and methodological framework, justification of the article's aims and objectives, writing of the initial draft;

Tovanchov E. N. – collection and analysis of empirical material, work with current sources and examples, participation in text revision, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.

The article was submitted 04.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.